

Резкие лучи омывали опустевшую лабораторию, встроенные люминесцентные полосы заполняли помещение ярким рассеянным освещением. В четырёх углах располагались тяжеловооруженные преторианцы, облачённые в непроницаемы для данных доспехи. Каждый из них обладал самым разнообразным оружием, начиная от обычного огнестрельного до более эзотерического гравитонного и дизассемблеров частиц.

Снаружи в вестибюле архимагос Котов и секутор Дахан сквозь небьющуюся прозрачную сталь наблюдали за существом, которое представилось Галатеей. Оно медленно прохаживалось вдоль стен своего нового дома, либо не понимая, либо не обращая внимания, что, по сути, находится в заключении. Оказалось, что тело с серебряными глазами на вращающемся паланкине всего лишь механический манекен для облегчения общения. Существо охотно отправилось на “Сперанцу” и провело пять последних дневных циклов переставляя мозги, меняя кабели, соединяющие стеклянные колпаки, и обмениваясь зашифрованными потоками бинарного кода. Магос Блейлок даже сейчас продолжал пытаться взломать криптографию, защищавшую внутренние коммуникации Галатеи, но пока так и не преуспел.

— Вы уверены, что эти сервиторы неопасны? — спросил Котов. После боя на станции Валетте он с подозрением следил за кибернетикой “Сперанцы”, ожидая, что она взбунтуется в любой момент.

— Они неопасны, — раздражённо проворчал Дахан. Переднюю половину черепа магоса заменили, и пересаженная кожа всё ещё оставалась новой и розовой, впрочем, лицо секутора от этого не стало менее мрачным.

— Специально для допроса я перенастроил их биотехнические системы, используя высококачественные боевые подпрограммы, которые не предоставляют полной автономности, но почти превращают в думающих солдат. Помогла работа с каданцами и пара советов сержанта Танны из Чёрных Храмовников. Правда в настоящий момент существо кажется послушным и готовым к сотрудничеству.

Котов кивнул, успокоенный словами Дахана. Хотя на взгляд архимагоса сюзерен скитариев был мрачным убийцей, слишком любящим математику разрушений, но он разбирался в боевых биотехнических системах.

— Как вам временное тело? — спросил Котов.

Дахан пожал огромными плечами. — Потребуется несколько дней, чтобы приспособиться к новой физиологии, и я стал медленнее из-за неравномерного распределения веса и увеличенной мышечной/скелетной плотности. Для адаптации более органических потребностей к боевым процедурам я тренируюсь с Чёрными Храмовниками.

Пока механические компоненты Дахана ожидали полного ремонта и освящения в сборочных цехах магоса Тарентека, его органику пересадили на временный органический каркас. Части тела когда-то принадлежали боевому сервитору с имплантированной мощной пневматикой и усилителями мышц. Одежды секутора выглядели нелепо маленькими на накачанном

стероидами теле, напоминая взрослого человека в одежде подростка. Оригинальное оружие удалили, заменив арсеналом Дахана, и вместе с сердцем, лёгкими и позвоночником сожгли в печах для отходов.

Котов кивнул, на самом деле не слишком заботясь о физическом восстановлении Дахана после того, как тот едва не погиб от термической ударной взрывной волны “Луны Капиталины”, а просто желая немного отсрочить вход в лабораторию. Галатея слишком сильно беспокоила его. И дело тут не во внешности — на Марсе архимагос видел и не такую диковинную физическую аугментацию — ему было не по себе от манеры Галатеи смотреть так, словно она знала все секреты и тайны.

Начиная с появления на борту “Сперанцы” Галатею подвергли всем мыслимым и немыслимым когнитивным тестам в распоряжении Котова: внутримозговым показателям, измерениям колебательной синхронизации, познавательной хронометрии, дистанционной электроэнцефалографии, нейроматричной проводимости, синоптической плотности и ещё минимум десяти более специализированных проверкам.

Результаты оказались за пределами всего виденного ранее архимагосом.

Тета и гамма-волны зашкаливали, как и гиппокампальный тета-ритм и рецидивный таламо-корковый резонанс. Какая бы когнитивная архитектурная матрица не функционировала внутри Галатеи, она находилась за пределами понимания даже величайших умов на борту “Сперанцы”.

— Так мы идём или нет? — с привычной прямоотой спросил Дахан.

— Конечно, идём, — ответил Котов, недовольный, что его заставили спешить.

Он махнул медленно кружившим хромированным серво-черепам, и те послушно зависли в воздухе, собираясь последовать за архимагосом. Некоторые из них оборудовали пикт-устройствами, другие вокс-глушителями или бинарными поглотителями, но каждый обладал точным хирургическим лазером, способным легко испарить мозг. Учитывая вооружённых сервиторов в лаборатории магосы предприняли все меры безопасности, какие только возможно.

И всё же Котов чувствовал себя так, словно направлялся в логово карнифекса.

Они с Даханом в сопровождении эскорта черепов миновали блокирующий данные шлюз и вошли внутрь. Перед ними предстало помещение с голыми стенами, в котором демонтировали оборудование, на сводчатом потолке виднелись рельефные изображения символов-черепов Механикус, казалось с интересом наблюдавшими за происходящим. Все места подключения к инфосфере отсоединили, а разъёмы загрузки/выгрузки отключили.

Лаборатория стала стерильной во всех смыслах.

Сервиторы навели на магосов прицельную оптику, но почти мгновенно перестали рассматривать их как угрозу. Оружие вернулось к отслеживанию передвижений Галатеи.

Котов едва не задохнулся, когда за спиной закрылась дверь и его тесная связь со “Сперанцей” оборвалась. Как внезапно лишённый всех удовольствий сластолюбец архимагос ощущал себя потерянным и совершенно опустошённым. Он никогда не испытывал ничего подобного и почувствовал себя невероятно голым. Галатея повернулась на паланкине, неловко переступая ногами, чтобы опустить тело облачённого в мантию техножреца.

— Пугающе, не так ли? — спросила она. — Очень холодно и очень страшно, когда вы изолированы от всего, что знали и от всего, что могли бы знать. Мы привыкли к своей компании, но полагаем, что вам очень не по себе.

— Это... — непривычное ощущение, — согласился Котов. — Я с радостью снова подключусь к инфосфере.

— Подумайте об этом. Так смертные проводят всю свою жизнь, — произнесла Галатея, с забавным блеском серебряной оптики наблюдая, как хромированные черепа кружат вокруг неё. — Это печально, вам не кажется?

— Я не задумывался об этом, — признался Котов.

— Конечно, не задумывались, — согласилась Галатея. — С какой стати? Адептус Механикус думают только о себе.

— Нам хотелось бы задать вам несколько вопросов, Галатея, — продолжил архимагос, забыв про колкость, но решив её пока проигнорировать. — Чтобы лучше понять вас и получить более чёткое представление о том, что произошло на манифольдной станции Валетте. Вы готовы отвечать на вопросы?

Он достал “немой” инфопланшет и начал прокручивать записи.

— “Сперанца” — великолепное судно, архимагос, — произнесла Галатея, словно Котов и не говорил. — Мы очень долго ждали такой корабль. Мы так рады, что вы, наконец, прилетели. Мы думали, что все сойдём с ума, прежде чем появится такое судно. Да, мы боялись, что мы все сойдём с ума от ожидания.

Котов слушал Галатею, а в это время механизмы каждого мозга в стеклянных колпаках мерцали с синоптической деятельностью. Было ли это сингулярной сущностью или гештальт-соединением множества сознаний? Биологический разум, дополненный технологией, или механический разум, достигший опасного уровня сознания? Галатея уже прошла все когнитивные тесты Лёбнера, но потому что была органической или потому что обладала самосознанием?

— Могу я? — спросил Котов, протянув металлическую руку к мозговой фляге.

— Можете.

Фляга излучала тепло, и едва заметная вибрация прошла сквозь стекло от электропроводящей жидкости внутри. Котов задался вопросом, кто это был в предыдущем воплощении жизни. Мужчина или женщина? Жрец Механикус или полимат из другого имперского учреждения?

— Знаете, нет никакой реальной необходимости в этих преторианцах, — сказала Галатея. — Мы не собираемся причинять вам вред, архимагос. Совсем наоборот, на самом деле.

— Тогда почему ваши сервиторы напали на абордажную группу? — спросил Дахан.

Галатея насмешливо посмотрела на него. — Сначала Адептус Астартес убили одного из наших слуг. Другие очнулись и получили приказы уничтожить незваных гостей, прежде чем наше полное сознание пробудилось от сна. Благодаря превосходной работе госпожи Тихон “Сперанца” прилетела раньше, чем мы ожидали, но мы скоро поняли, что у нас общая цель. К счастью удалось избежать дальнейших смертей, как и принудительного контроля над вашим судом.

Котов и Дахан обменялись неловкими взглядами, обоим пришла в голову одна и та же мысль.

Способна ли Галатея взять под контроль “Сперанцу”?

— И какая, по-вашему, цель привела нас на манифольдную станцию? — спросил Котов.

— Вы планируете пробиться сквозь Шрам Ореола и выяснить судьбу магоса Веттия Телока.

— Вы знаете о Телоке?

— Разумеется. Мы помним его с тех пор, как он прибыл на манифольдную станцию Валетте, прежде чем отправиться в Шрам Ореола.

— Как это возможно? Телок был здесь тысячи лет назад.

— Вы уже знаете как, архимагос, — ответила Галатея, словно ругая глупого ребёнка. — Мы — эвристический биологический кибернетический интеллект, изначально встроенный в манифольдную станцию. Конечно, мы очень сильно эволюционировали, но мы помним наше рождение и предыдущее жалкое существование.

— Вы живёте уже больше четырёх тысяч лет? — уточнил Дахан.

— Мы существуем в общей сложности четыре тысячи двести шестьдесят семь лет. Не в нашем нынешнем виде, разумеется, но это было датой нашего появления. Только после вмешательства магоса Телока в нашу системную архитектуру мы достигли чего-то близкого к сознанию. Он впервые позволил нам расширить когнитивные способности при помощи добавления взаимосвязанных мозгов, выбранных из числа его лучших и самых одарённых последователей. Наша функциональность увеличилась в геометрической прогрессии, и объединённая производительность нейроматрицы инфомашины быстро опередила сумму своих частей.

— Почему Телок поступил так?

— Почему бы и нет? — возразила Галатея. — Обилие имматериологической информации, которую станция накопила за века сбора данных, играет важную роль при любых попытках навигации в Шраме Ореола. Телок знал это, но также он понимал, что в одиночку не сможет проанализировать столь огромные архивы и ориентироваться в гравитационных течениях Шрама Ореола. Только разум, способный к ультрабыстрому стохастическому мышлению, сумеет вычислить навигационную информацию в столь изменчивом и непредсказуемом пространстве, используя предоставленную нами статистическую базу данных. И только объединённые органические разумы обладают способностью обрабатывать настолько обширный объём данных на почти мгновенных скоростях. Сочетание двух аспектов сознания стало единственным логическим решением.

— Другими словами Телок соединил инфомашину с разумами магосов? — спросил Дахан.

— Именно так, и мы вместе смогли вычислить оптимальный курс сквозь Шрам Ореола. Мы бы также отправились за пределы галактики, но тогда мы ещё располагались в машинах манифольдной станции. Прежде чем флот отбыл, Телок поклялся, что вернувшись в имперское пространство, он освободит нас от стационарных ограничений и предоставит свободу.

— Но он так и не вернулся, — сказал Котов.

— Нет, не вернулся, — согласилась Галатея, сложив руки и позволив паланкину опуститься на пол между обратно сочленёнными ногами. — И мы тысячи лет ждали шанса воссоединиться с ним.

— Когда Телок улетел, что стало с магосами, соединёнными с вашей нейроматрицей? — спросил Дахан.

Галатея ответила не сразу, как если бы погрузилась в далёкие мысли. В конце концов, она встала и начала ходить вдоль стен лаборатории. Блестящая серебряная оптика мерцала и гудела, словно получая доступ к воспоминаниям, которые давно отправили в архив и позабыли.

— Их тела скоро умерли, но сознание каждой коры головного мозга отпечаталось в глубинных слоях памяти инфомашины. То, что мы узнаём, становится частью нас и будет жить вечно. Алгоритмы магоса Янь Ши, обрабатывающие возможности магоса Талоса и магоса Мааралья

объединились. Знания кузни экзо-фабрикатора Аль-Джазари и вычислительный гений гексамата Мински присоединились к нашему расширяющемуся разуму. Каждая итерация сознания видела, что объединённые разумы росли в силе и умениях, пока не превзошли даже наши собственные ожидания.

Котов медленно обошёл Галатею и спросил. — Это мозги магосов, которые прибыли на Валетте с Телоком?

Галатея рассмеялась, звук оказался глубоким и полным развлечения. — Не будьте посмешищем. Те первые жрецы сошли с ума тысячи лет назад. Их пришлось изолировать. Удаление деградировавших мозгов было очень болезненным, потому что мы не до конца понимали степень повреждения, которое их безумие оказало на общую синоптическую целостность.

— Тогда чьи это мозги?

Галатея повернулась на центральной оси и протянула руку, чтобы нежно погладить стеклянные колпаки, как мать, находящая утешение в детях. От прикосновений мозги освещались деятельностью, электрохимические реакции мерцали по их поверхности двоичными импульсами внедрённого оборудования.

— Это мозги жрецов и других одарённых личностей, которые приходили сюда на протяжении веков, любознательные умы, привлечённые на манифольдную станцию бинарными приманками, призрачными сигналами бедствия или заманчивыми сигнатурами излучения. Не представляло никакой сложности захватывать экипажи и избавляться от судов в сердце звезды системы. Хирургические и психологические тесты помогали определять, кто из захваченных людей подходил для имплантации.

Котов постарался скрыть ужас от подобного хищнического поведения и вместо этого спросил. — Один из этих мозгов магос Парацельс? Он был последним магосом, отправленным на Валетте.

Галатея покачала головой. — Нет, мы сочли его непригодным для имплантации. Слишком ограниченный ум и узкие взгляды не позволили ему в полной мере осознать открывшиеся возможности. Очень жаль, потому что магос Гефест начал деградировать. Теперь мы очень редко позволяем ему подниматься на поверхность.

— Подниматься на поверхность? — уточнил Котов, приблизившись к Галатее и относительно слабо светившимся стеклянным колпакам. Хотя они не обладали никакими сенсорами, чтобы почувствовать его присутствие, каждый вспыхивал активностью, когда он проходил мимо. Создавалось впечатление, словно за ним оценивающе наблюдал старший магос, и Котов попытался избавиться от чувства, что не он вёл этот допрос.

— Мы — истинный гештальт, — сказала Галатея. — Имплантированная кора головного мозга повышает функциональность, в то время как чувствующая машина в центре нас осуществляет

доминирующий контроль. Если же для конкретной задачи требуется специализированный разум, то ему разрешается обрести полное самосознание. В настоящее время магос Сиристте использует высшие функции мозга, чтобы мы могли лучше общаться со смертными, понимая ваши потребности.

— Сиристте из Триплекс Фолла? Её направили на Валетте семьсот пятьдесят лет назад, — уточнил Котов, изо всех сил стараясь вспомнить имя и дату, не подглядывая в инфопланшет.

— Хорошая память, — иронично усмехнулась Галатея. — И она оказалась педантичным компилятором данных, прекрасным дополнением к нашему коллективному разуму.

— Сколько лет самому старому разуму в вашей текущей форме?

— В настоящее время дольше всех непрерывно работал магос Траймен, хотя его синоптические пути начали ухудшаться по экспоненте. Логика подсказывает заменить его, но на самом деле мы наслаждаемся его безумием. Его спящие кошмары непередаваемы.

— Ты существовала слишком долго, — прорычал Дахан. — Ты психопатично игнорируешь причиняемый вред и боль.

Галатея вздохнула. — Вы так мало понимаете, магос Дахан. Для всех нас больно терять кого-то из нас. Разрыв соединения подобен грубому удару хирургического копья в разум, но как смертному порой приходится пожертвовать конечностью или органом, чтобы тело выжило, так и мы идём на такие муки.

— Ты существуешь, только ворую разумы, которые продлевают сознание инфомашины в твоём ядре, — сказал Котов, больше не в силах скрывать отвращение. — Ты — безумный паразит.

— Мы не больший паразит, чем вы, архимагос, — возразила Галатея, сумев одновременно казаться обиженной и рассерженной. — Ваше физическое существование должно было закончиться много сотен лет назад, но вы ещё живы.

— Я не продлеваю жизнь за счёт других, — подчеркнул Котов.

— Разумеется, продлеваете, — сказала Галатея, наклонившись к Котову. Сервиторы вскинули оружие, но Дахан махнул им рукой, когда архимагос покачал головой.

— Пусть у вас и роботизированное тело, но кровь, что течёт в вашем черепе, не ваша, не так ли, архимагос? Она принадлежала совместимым рабам-донорам и струится по кровеносным сосудам вашего мозга благодаря сердцу, которое вырезали из груди другого живого существа. А когда оно станет слишком старым и усталым, вы замените его. По крайней мере, существа, которые поддерживают наше существование, становятся чем-то большим, чем они могли достигнуть самостоятельно. Мы дарим новую жизнь там, где вы только забираете.

— А что с остальным экипажем манифольдной станции? — спросил Котов, сменив тему, почувствовав, что враждебность Галатеи растёт. — Что случилось с ними?

— В конце концов, они умерли, разумеется, но в то время мы не предавали особого значения их потере, — ответила Галатея, словно предаваясь воспоминаниям о старых друзьях. — Мы полагали, что наши множественные разумы выдержат мимолётные века в гордом одиночестве, бесконечно развиваясь благодаря друг другу и погружаясь всё глубже в квантовые тайны мышления, сознания и бытия.

Галатея снова замолчала, возможно, вновь пережив открытие, которое вызвало — и всё ещё вызывало — большую боль.

— Но ни один разум не способен переносить такие промежутки времени в одиночестве. Мы начали страдать от неврологических галлюцинаций, перцептивных провалов памяти и поведенческих отклонений, которые сопровождались многочисленными формами психотических расстройств. Мы удалили повреждённые разумы, и чтобы подобные психологические повреждения больше не повторились, приняли решение поддерживать наше существование неопределённо долго, погружаясь в длительные периоды бездействия и просыпаясь только тогда, когда заманчивые кандидаты на внедрение заглатывали наши приманки.

— А с какой целью вы хотите поддерживать своё существование?

Галатея повернулась и посмотрела на него, стеклянные колпаки вспыхивали синоптическим страданием. — Почему какое-либо существо хочет выжить? Чтобы жить. Продолжаться. Выполнять цель, для которой было создано.

— И какая у вас цель?

— Найти магоса Телока. Он создал нас и с нашей помощью смог пробиться в Шрам Ореола, где нашёл тайны древних.

— Вы знаете, что он нашёл? — спросил Котов, от желания быстрее услышать ответ его голос стал резким. — В последнем сообщении Телока говорилось только, что он нашёл что-то называемое Дыхание Богов.

— Конечно, — ответила Галатея, громко рассмеявшись. — Разве вы не поняли, архимагос?

— Не понял что?

— Мы отправили это сообщение по манифольду, — торжествующе заявила Галатея. — И вот вы здесь...

Сердце Котова сжалось от признания Галатеи, его надежды о паломничестве в честь Омниссии и восстановлении положения оказались на грани уничтожения. Заманчивая близость следов Телока обернулась иллюзией, и грандиозные надежды триумфального возвращения на Марс с трюмами, заполненными архиотеком, погасли как свет сверхновой звезды, которая умерла и превратилась в нейтронную.

— Вы отправили сообщение? — спросил он, надеясь, что Галатея ошиблась. — Зачем?

Техножрец с серебряными глазами ответил. — С нейроматрицей, достигшей полного сознания, и телом, получившим подвижность, мы надеялись заманить корабли и магосов, способных доставить нас за пределы галактики. Но суда, пребывавшие сюда, оказывались слишком маленькими, чтобы даже с нашей помощью сопротивляться бурям внутри Шрама.

Котов изо всех сил пытался не показать сокрушительное разочарование.

Дахан оказался не столь сдержан и шагнул ближе к механическому паланкину Галатеи. — Телок не отправлял сообщение по манифольду?

— Нет.

Секутор резко повернулся к Котову. — Тогда мы ввязались в безнадёжное дело! Телок никогда не отправлял никаких сообщений, потому что, скорее всего, погиб в Шраме, а всё что мы надеялись найти — ложь, придуманная этой... мерзостью, чтобы завлечь новых жертв в свои сети.

— Мерзостью? — произнесла Галатея. — Мы не понимаем ваше столь явное отвращение. Разве мы не являемся логическим следствием ваших поисков биоорганического единства? Мы — объединённые в безупречном союзе органика и синтетика, логос всего к чему стремятся Адептус Механикус. Почему вы ненавидите нас?

— Потому что ты попираешь наши законы, — ответил Дахан. — Ты больше не механическое устройство, вдохновлённое божественной волей Бога Машины, твоё существование поддерживается за счёт смертных слуг Омниссии. Ты — разумная машина, а бездушное сознание — враг всего живого. Ты якшаешься с ксено-дикарями и срачиваешь священные технологии Бога Машины с их нечестивой плотью. Ты оскорбляешь Святого Омниссию подобными извращениями!

— Люди не были единственными существами, которые находили манифольдную станцию на протяжении веков, — пояснила Галатея, отступив от ярости Дахана. — Мы не могли остановить абордаж орков, их машины не внимали нашим призывам, но как только ксеносы оказались на борту, мы легко подавили их управляемым выпуском токсичных газов в атмосферу станции.

— Но почему ты переделала этих зверей в сервиторов? — спросил Дахан.

— Вам повезло, магос Дахан, у вас есть многочисленные запасы плоти и кости, чтобы создать подобных слуг. Нам повезло меньше.

— Но неужели никто из разумов, населяющих твоё проклятое тело, не воспротивился этому?

— Магос Сатарве воспротивился, да, но к тому времени этот элемент уже демонстрировал ранние симптомы психоза изоляции, так что пришлось просто заставить его замолчать. Даже облачение орков в искусственную кожу не успокоило его, поэтому он был удалён из целого, а его образы мышления уничтожены.

Котов почувствовал холод от лёгкости, с которой Галатея говорила о разрушении целого разума. Если она могла столь непринуждённо уничтожить часть себя, какие ещё злодеяния она способна совершить? Она заманивала бесчисленные суда и экипажи на гибель, чтобы найти подходящий космический корабль для путешествия сквозь Шрам Ореола, но архимагос начал видеть взаимосвязь между своим желанием и Галатеей, которая предлагала слабую надежду сохранить экспедицию.

Сделка, против которой восставала его марсианская душа, но которая может дать шансы на успех.

— Вы рассчитали маршрут сквозь Шрам Ореола для магоса Телока, так? — спросил он.

— Рассчитали, — согласилась Галатея.

— Архимагос, нет... — произнёс Дахан, поняв намерения Котова.

— Вы можете сделать то же самое для моего судна?

— Архимагос, вы не должны заключать сделку с этим существом, — возразил Дахан. — Оно — оскорбление Омниссии и каждого принципа нашей веры.

— У нас нет выбора.

— Мы можем повернуть назад. Можем вернуться на Марс, прежде чем это путешествие убьёт нас всех.

— На самом деле не можете, — заявила Галатея и направилась вдоль стены лаборатории к одному из вооружённых сервиторов. Она остановилась, когда роторная лазерная пушка преторианца нацелилась ей в грудь. Галатея наклонила голову в капюшоне, и из серебряных глаз вырвался поток гиперплотного двоичного кода. Котов пошатнулся и упал на колени, когда начали отключаться интегрированные системы механического тела. Из каждого разъёма загрузки/выгрузки в помещении били искры и шипела статика, со стен водопадом изливались ноосферные данные, как вода, перехлестнувшая разбитую плотину.

— Вы и в самом деле думали, что можете изолировать нас, архимагос? — спросила Галатея.

Котов с трудом подбирал слова, его инфокровоток оказался перегружен внезапным шквалом данных, ворвавшимся в опустошённую систему. Тело архимагоса воспротивилось, как у жадно набросившегося на сладости изголодавшегося человека, тошнотворное давление в черепе было, как у переполненной катушки памяти на грани взрывной арифметической перегрузки. Ноосферный ореол окружал гибридное существо, постоянный поток информации золотым огнём вырывался из каждого наномиллиметра тела Галатеи.

Котов едва мог смотреть на неё, настолько плотным и ярким было пламя.

— Что... вы... делаете? — сумел произнести он.

— Наши возможности намного превышают ваши, архимагос, — ответила Галатея. — Разве мы не дали это понять в самом начале дискуссии? Вы продолжали заблуждаться, что допрашиваете нас? Мы уже обработали судовые журналы путешествия — и, если вы позволите говорить откровенно — ни что иное, как чудо, что вы добрались так далеко. Мы нужны вам, архимагос. Без нас вы не выживете в Шраме Ореола. Вы не преодолеете и тысячу километров, прежде чем корабль разорвут на атомы.

— Убейте её! — приказал Дахан, но какие бы биомеханические системы он не внедрил в преторианцев, они не шли ни в какое сравнение с потоками доминирующего кода Галатеи. Ни один из сервиторов не открыл огонь, вместо этого они повернули оружие на своего командира. У каждого на лице застыло выражение испуганного недоверия, но к огромному облегчению Котова ни один не выстрелил.

— Пожалуйста, секутор, ваша вера в то, что жалкая порабощённая кибернетика способна остановить нас — почти оскорбительна. Мы можем заставить их прикончить вас на месте, и в течение часа на борту судна не останется живых. “Сперанца” стара, но её дух-машина неопытен и большая его часть всё ещё дремлет. Он не идёт ни в какое сравнение с нами и тем, что мы делали. Мы не хотим порабощать столь благородный дух, но пойдём на это в случае необходимости.

Данные текли красными потоками со всех поверхностей лаборатории, и какими бы сложными имплантатами для сбора информации не обладала Галатея, ей не требовались примитивные разъёмы загрузки/выгрузки.

— Чего вы хотите? — спросил Котов.

Серебряные глаза Галатеи засветились.

— Мы сказали вам, чего мы хотим, архимагос. Того же, что и вы. Мы хотим отправиться за Шрам Ореола и найти магоса Телока.

— И что ты сделаешь, когда найдёшь его? — спросил Дахан. — Что тогда?

— Тогда мы убьём его.

Робаут смотрел на посетителя в своей каюте со смесью любопытства и осторожности, не понимая, зачем магос Блейлок решил нанести визит вежливости накануне путешествия в Шрам Ореола. Фабрикатус-локум притворялся, что изучает на стене его благодарности и розетту Ультрамара, оптика магоса мерцала и кликала, но соблюдение социального протокола было предложено. Низкорослая свита тенью следовала за хозяином, их прорезиненные облачения громко шуршали и Робаут задумался, какой цели они служили кроме подготовки и обслуживания насосных трубок, окружавших тело Блейлока и переливавших жидкости из гудящего ранца на спине. Он совсем не видел их лиц из-за тёмных визоров защитных шлемов и гадал, были они органическими или автоматами.

— Вы учитесь, Таркис, — произнёс Робаут, вращая компас астронавигации в правой руке и водя кончиком пальца по краю стакана с дорогим амасеком. — Я же могу называть вас Таркис, да?

Блейлок отвернулся от голографической камеи с Катен и сложил длинные руки на животе. — Ели это поможет установить дружеские отношения, тогда да, можете. Запрос: что я изучаю кроме вашего образцового послужного списка на Флоте и в Защитной ауксии?

— Взаимодействие с нами смертными. Притворный интерес к чему-то ещё — вот что делает нас людьми.

— Притворный?

— Конечно. Ни одному из нас на самом деле не интересны другие люди. Мы имитируем его, чтобы получить то чего хотим и возможность поговорить о себе.

— Напротив, мне очень хочется узнать побольше о вас, капитан Сюркуф. Ваши истории на обеде у полковника Андерса были восхитительны.

— Так мне сказали, — резко ответил Робаут.

— Вы раздражительны сегодня, капитан. Я допустил какое-то микровыражение или вербальную реплику, которая расстроила вас?

Робаут вздохнул и допил амасек одним глотком. Он толкнул стакан вдоль стола и покачал головой.

— Нет, Таркис, вы не расстроили меня, — ответил Робаут, постучав по стеклу компаса и внимательно следя за стрелкой. — Прошу прощения за грубое поведение.

— В извинениях нет необходимости, капитан.

— Возможно и нет, но я в любом случае предлагаю их, — сказал Робаут, махнув на стул напротив себя. — Близость границы известного космоса всегда портит мне настроение. Пожалуйста, присаживайтесь. Пусть ваши маленькие помощники немного передохнут.

— Спасибо, нет. С моей двигательной аугметикой невозможно сидеть на обычном стуле, не отключив циркулирующий поток. Да и для стула это было бы нецелесообразно. Я тяжелее, чем выгляжу.

Робаут улыбнулся. — Итак, что кроме непреодолимого желания изучить мои многочисленные благодарности привело вас на “Ренард” в день, когда мы, наконец, войдём в Шрам Ореола? Думаю, у вас есть дела поважнее.

— Верно, у меня много обязанностей, которые требуют моего внимания. Именно поэтому я хотел бы поговорить с вами, прежде чем заняться ими.

— Ладно, теперь я заинтригован, — произнёс Робаут, оставив компас в покое и положив подбородок на руки. — Что вам нужно?

— Мне нужно, чтобы вы передали мне диск с данными, который извлекли из аварийного маяка спасательной капсулы “Томиоки”. “Сперанца” собирается войти в область космоса, откуда ещё никто не возвращался, и пришло время покончить с вашим позёрством. Мне нужен этот диск, капитан Сюркуф.

— Ах, вы так старались... Короткий ответ, нет. Я не собираюсь отдавать вам диск с данными.

— Я не понимаю логику в вашем отказе, капитан, — произнёс Блейлок, прохаживаясь по каюте. — У вас уже есть бессрочный контракт на ремонт торгового флота. Нет никакой необходимости рисковать вашим кораблём в Шраме Ореола.

Робаут откинулся на спину и положил ноги на стол.

— С вами Механикус всегда одно и то же, — сказал он. — Не всё сводится к тому, что нужно. Иногда ответ в том, что хочется. Я хочу войти в Шрам Ореола. Я хочу увидеть, что находится на другой стороне. Вы занимаетесь поисками знания, но вы не единственные, кто желает найти неизвестное и путешествовать в неизведанные места.

Блейлок остановился, и посмотрел на что-то за плечом Робаута, его оптика мигнула и щёлкнула. Капитан встал и подошёл к фабрикатус-локуму.

— Тема закрыта для обсуждений, переговоров, угроз или пари. Я не отдам вам диск с данными, так что вы можете уйти и заняться своими многочисленными делами.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее.

— Тогда я ухожу.

— Уходите, — разозлился Робаут.

Блейлок развернулся и вышел, его свита суетливо тащила шлейф кабелей и трубок, тянувшихся из-под мантии магоса. Робаут стоял в одиночестве в центре каюты. Он глубоко вздохнул и налил новый стакан амасека. Его лоб пульсировал и, хотя он убеждал себя, что это из-за близости необычной космической аномалии, в которую они направлялись, он знал, что дело не только в ней. Робаут оглянулся, чтобы узнать, что изучал Блейлок, прежде чем он выпроводил его.

— Что всё это было? — спросил стоявший в открытых дверях Эмиль.

— Разучился стучать?

— Какие мы обидчивые, — сказал Эмиль, взял стакан и толкнул его по столу.

Робаут наполнил стакан и толкнул обратно.

— Ну?

— Что ну?

— Ну что было нужно твоему новому лучшему другу и его банде карликов?

— Ему был нужен диск данных.

— Ты отдал его?

— Конечно, нет, — ответил Робаут, снова садясь на стул.

Эмиль сделал глоток, смакуя напиток, прежде чем продолжить разговор.

— Почему нет?

— Ты о чём?

— Я о том, почему нет? Нам уже заплатили. Мы прилетели в эту глушь. Мы не обязаны лететь в Шрам.

— Именно это и сказал Блейлок.

— Тогда возможно он не так уж и глуп.

— Я не отдам диск, пока мы не окажемся там. Я должен сделать это, Эмиль.

— Почему? И не надо нести эту чушь о новых горизонтах. Такое может сработать на симпатичных девчонок, но ты говоришь со мной. И хотя я знаю, что симпатичный, я не тупой.

— Ты — не симпатичный.

— Хорошо, возможно нет, но я точно не тупой.

— Не тупой, — согласился Робаут. — Но ты ошибаешься. Всё что я рассказал им о причинах, почему хочу сделать это — правда. Весь разговор о путешествии в неизвестное и о желании увидеть то, что никто и никогда не видел прежде. Я говорил правду в каждом слове, в каждом чёртовом слове. Я не создан для жизни торговца и купца, в глубине души я — исследователь. Я хочу увидеть то, что не отпечатано черепами или покрыто пылью, или просто ждёт, пока его не уничтожит очередной захватчик. Всё что я видел в этой галактике — война, смерть и разрушение. С меня хватит, я хочу найти место, где никто не слышал об Империи, Губительных Силах, орках или ведьмах. Я хочу убраться отсюда.

— Ты не собираешься возвращаться, так?

Робаут покачал головой. — Нет, не собираюсь.

— И когда собирался сказать мне?

— Думаю я только что сделал это.

— А что насчёт “Ренарда”?

— Ему потребуется хороший капитан. И мне приходит на ум только один человек, которому я могу его доверить.

Эмиль сделал несколько глотков амасека и покачал головой. — Ему нужен ты за штурвалом,

Робаут. Ты его капитан, а не я. Чёрт, да я просто проиграю его в большой ставке в рыцарей и плутов.

— Если ты проиграешь мой корабль в карты, то я вернусь из-за пределов галактики и лично пристрелю тебя.

— Вот видишь, ты не можешь нас оставить, — ответил Эмиль, допил амасек и направился на мостик. Он остановился у двери и повернулся к Робауту, на его лице читалась неуверенность, словно он собирался что-то сказать, но сомневался стоит ли.

— В чём дело? — спросил Робаут.

— Да так ничего. Просто у Гидеона был кошмар.

Гидеон Тивель был астропатом “Ренарда”, похожим на привидение человеком, который редко присоединялся к остальным для еды или отдыха. Он проводил большую часть времени в одиночестве в уединённой палате хора, изучая онейрокритику или блуждая по пустым залам верхних палуб. Для него даже просто заговорить с одним из членов экипажа было из ряда вон выходящим событием.

— Он рассказал подробности?

— Не совсем. Только то, что он был плохим. Ты помнишь прошлый раз, когда Гидеон видел кошмар?

Робаут помнил. — Во время перелёта между Джоурой и Ладаном. В ночь перед тем, как мы вошли в варп, и тот сумасшедший псайкер съехал с катушек и едва не прикончил нас всех. Ты об этом?

— Возможно, твоё желание уйти не стоит того, чтобы нас всех убили?

— Закрой дверь с другой стороны, — резко сказал Робаут.

Когда Эмиль ушёл, он положил голову на руки и придвинул компас астронавигации. Робаут снова постучал по стеклу, на этот раз сильнее, и странное чувство неизбежности охватило его, когда он посмотрел на стрелку.

С тех пор как они вошли в систему стрелка не двигалась.

Её курс и направление безошибочно указывали на центр Шрама Ореола.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657213>